

ПИСЬМА ДЕКАБРИСТОВ Д. ИСКРИЦКОГО И В. ВОЛЬХОВСКОГО О КАВКАЗЕ

Авторы публикуемых ниже писем Д. А. Искрицкий и В. Д. Вольховский принадлежат к поколению первых русских революционеров. Оба они оставили заметные следы в истории русской общественно-политической жизни своего времени.

Демьян Александрович Искрицкий (1803—1831) был принят в тайное общество еще в 1820 г.¹ Впоследствии он стал членом Северного общества. В 1825 г. в чине поручика служил в гвардейском Генеральном штабе и участвовал в восстании на Сенатской площади. Был арестован и заключен в Петропавловскую крепость 29 января 1826 г.² Примерно через год Искрицкого перевели в гарнизон Орской крепости, а спустя некоторое время — в Отдельный Кавказский корпус, в 42-й егерский полк.

Д. А. Искрицкий (в официальных бумагах Искритский) принял участие в русско-персидской войне. Следует отметить, что он числился в полку, но нес службу офицера Главного штаба Кавказского корпуса. В одном архивном документе сказано, что Искрицкий «в течение всей войны персидской... находился везде, где дела службы требовали»³.

Искрицкий участвовал также в турецкой кампании 1828—1829 гг. Уже в июне 1828 г. он сражался под Карсом, а в августе — под Ахалцихом. Командир 42-го егерского полка полковник Реут в июле 1828 г. рапортовал генералу Паскевичу, что подпоручик Искрицкий был «в сражении с неприятелем 19 и 22 числа минувшего июня и 23 при взятии города и крепости Карса оказал себя отлично храбрым»⁴. В другом официальном документе мы читаем, что Искрицкий «во всех делах при взятии Ахалциха оказал храбрость, деятельность и знание дела»⁵.

Отличился Искрицкий и в 1829 г. Его начальники рапортовали, что весной этого года он «исполнял должность квартирмейстерского офицера при отряде генерал-майора Бурцова и во всех происходивших с неприятелем делах в Поцховском санджаке оказывал отличное знание своего дела, храбрость и распорядительность»⁶. Летом 1829 г. Искрицкий вместе со своей частью вступил в Эрзерум. За храбрость в турецкой кампании он был произведен в поручики и награжден орденом⁷.

Образованный и энергичный офицер, он выполнял много специальных работ. Например, им снят план Боржомского и некоторых других ущелий, окрестностей Зивина, Миллидюза, описана дорога от Тифлиса до урочища Караагач и т. д.⁸ Искрицкий

¹ «Декабристы и их время, материалы и сообщения», М.—Л., 1951, стр. 159 (см. статью М. В. Нечкина «Священная Артель. Кругок Александра Муравьева и Ивана Бурцова 1815—1817 гг.»).

² «Восстание декабристов». Материалы, т. 8, Л., 1925, стр. 321.

³ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 109, 1 экспед., 1826, д. 61, ч. 170, л. 2.

⁴ Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (ЦГИАГр), ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 408.

⁵ Там же, л. 452.

⁶ ЦГИАГр., ф. 548, д. 113, л. 19.

⁷ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспед., 1826, д. 61, ч. 170, л. 2.

⁸ Там же, д. 61, ч. 247, л. 3.

подробно описал также Ахалцихский и Эрзерумский пашалыки. В этих описаниях, напечатанных в книге «История военных действий в Азиатской Турции»⁹, имеются весьма ценные сведения об административном и экономическом положении этих областей, о жизни местного населения. Автор сообщает интересные данные о грузинах, армянах, курдах, турках и других народах¹⁰.

Искрицкий в 1828 г. принимал деятельное участие в организации переселения армян из Персии в пределы Закавказья. Как видно из рапорта полковника Реута на имя генерала Паскевича от 1 апреля 1828 г., Искрицкий по специальному поручению был прикомандирован в Урмию в распоряжение полковника Л. А. Лазарева¹¹. Вместе с последним, под его руководством, Искрицкий приложил много усилий для хорошей организации этого переселения.

Д. А. Искрицкий скончался в сентябре 1831 г. в Царских Колодцах, в провинции Куба (Азербайджан).

Владимир Дмитриевич Вольховский (Вальховский, 1798—1841) был принят в Союз спасения в 1817 г.¹², а через год — в Союз благоденствия. В 1825 г. служил в гвардейском генеральном штабе в чине капитана. В сентябре 1826 г. за причастность к движению декабристов был переведен на Кавказ и определен квартирмейстерским офицером в штабе генерала Паскевича. В конце октября отряд русских войск, преследуя армию Аббас-мирзы, перешел Аракс и имел стычки с отступающим неприятелем. В этой экспедиции принял участие и Вольховский.

С марта 1827 г., когда Паскевич был назначен командиром Отдельного Кавказского корпуса, Вольховский, состоя при нем, выполнял важные и ответственные поручения. Он участвовал в военных действиях персидской кампании и по поручению Паскевича вел переговоры с шахским двором.

Капитан Вольховский особенно отличился при осаде крепости Сардарабад. Об этом в официальных материалах сказано: «Перед начатием осады обозревал с виду неприятеля крепость, потом неоднократно употребляем был в траншеях, где исполнял все поручения с отличным рвением и храбростью»¹³. За все это Вольховский был представлен к ордену Анны 2-й степени, но получил только «высочайшее благоволение».

Вольховский принимал активное участие также в осаде и взятии крепости Эривань. Одновременно он выполнял задание Паскевича по описанию местностей театра военных действий, по собиранию статистических и иных сведений о местных народах и т. д.

В начале декабря 1827 г., когда между русским командованием и персидским правительством уже велись переговоры об условиях окончания войны, Вольховский по поручению Паскевича прибыл в Тегеран и изложил шахскому правительству условия и требования, выдвинутые царским правительством накануне заключения мирного договора. Вольховский с успехом выполнил это важное задание. В предписании Паскевича от 11 января 1828 г., посланном в Тегеран на имя Вольховского, было, между прочим, сказано: «Вашими донесениями я очень доволен и прошу вас все достойное внимания касательно дорог, положения края, духа народного не упускать из виду с известною мне вашею наблюдательностью»¹⁴.

За заслуги в русско-персидской войне Вольховский получил чин полковника. Приказом царя от 13 мая 1828 г. полковник Вольховский был назначен обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса. Отличился он, в частности, в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

⁹ «История военных действий в Азиатской Турции в 1828—1829 годах», ч. I, СПб., 1836.

¹⁰ М. Г. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений, книга вторая, Ереван, 1961, стр. 291.

¹¹ ЦГИАГр., ф. 548, д. 77, л. 383.

¹² М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, М., 1955, стр. 167.

¹³ ЦГИАГр., ф. 548, оп. 2, д. 48, л. 6.

¹⁴ АКАК, т. VII, стр. 587.

В дни осады Карса Вольховский выполнял важные боевые задания. В своем рапорте от 10 июля 1828 г. генерал Паскевич, описывая осаду Карса, писал: «...правый бастион, называемый Юсуф-паша, вооруженный 4-рьмя орудиями, не переставал еще производить картечный огонь, почему ...ген.-м. барон Остен-Сакен поручил обер-квартирмейстеру полк. Вольховскому с 20-ю гренадерами овладеть сим бастионом, который и исполнил сие с примерною решимостью и немедленно обратил неприятельские орудия во фланг 3-х соседственных башен крепости... В сие время крепостной северо-восточный бастион... обстреливающий в прямом направлении Карадаг, обратил на оный сильный огонь. Ген.-майоры барон Остен-Сакен и Муравьев отвечали ему немедленно всеми взятыми ими на сей горе орудиями. Таковое действие, в соединении с присланными мною в подкрепление 12-ю батарейными орудиями и с пальбою полк Вольховского с бастиона Юсуф-паши прекрестными выстрелами, заставило вскоре умолкнуть все крепостные башни, обращенные к Карадагу»¹⁵. Об этом эпизоде то же самое сообщали «Тифлиссские ведомости»¹⁶.

Вольховский оказывал большие услуги частям Кавказского корпуса. Он принимал деятельное участие в разработке планов военных действий и походов корпуса, в описании дорог, в собирании необходимых данных о неприятеле и т. д. Большую роль играл он, в частности, в крупных сражениях 19—20 июня 1829 г., при занятии Байбурта и других важных городов. В ноябре 1828 г. Вольховский был награжден орденом Георгия 4-й степени, а в декабре 1829 г. последовало «высочайшее благоволение».

Следует сказать, что высокие посты, занимаемые Вольховским, отнюдь не поколебали его дружественных отношений с декабристами, служившими в Кавказском корпусе. Напротив, Вольховский по возможности даже помогал и покровительствовал им. Лица, близко знавшие его, утверждали, что он являлся «ангелом-хранителем» всей довольно многочисленной семьи декабристов, поступивших на Кавказе рядовыми»¹⁷. В письмах многие декабристы отзывались о Вольховском всегда с глубоким уважением.

В. Д. Вольховский оставил службу в феврале 1839 г. Умер в марте 1841 г. в селе Каменке, Харьковской губернии.

Публикуемые ниже 18 писем Искрицкого и Вольховского написаны в 1826—1829 гг., т. е. в период, когда оба декабриста вместе со многими своими друзьями были «сосланцами» и вели военную службу на Кавказе. Большинство писем адресовано родителям, одно генералу Паскевичу, другое А. С. Грибоедову и одно письмо Искрицкого Вольховскому. Письма эти содержат интересные данные о военных действиях русско-персидской и русско-турецкой войн, о русско-персидских переговорах в декабре 1827 г., о Кавказе и его народах, о переселении армян из Персии в пределы Закавказья и многом другом. Письма одновременно отражают взгляды и настроения их авторов и вообще являются ценными источниками для биографии Искрицкого, Вольховского и других декабристов, сосланных на Кавказ.

Первые шесть писем (копий) Д. А. Искрицкого мы получили из Ленинграда, от Дмитрия Евгеньевича Искрицкого, которому и выражаем нашу благодарность. Седьмое письмо Искрицкого и все одиннадцать писем Вольховского обнаружены нами в исторических архивах Тбилиси и Ленинграда (девять писем Вольховского к отцу и письмо Искрицкого к Вольховскому — см. Архив исторического музея Грузии, д. 426; письма Вольховского И. Ф. Паскевичу и А. С. Грибоедову — см. Центральный государственный архив в Ленинграде, ф. 1018, оп. 2, д. 181, 183).

Проф. М. Г. НЕРСИСЯН

¹⁵ АКАК, т. VII, стр. 751—752.

¹⁶ «Тифлиссские ведомости», 1828, № 11.

¹⁷ И. Ениколопов. Грибоедов и Восток, Ереван, 1954, стр. 90.

ДОКУМЕНТЫ

ПИСЬМА Д. А. ИСКРИЦКОГО К РОДИТЕЛЯМ

№ 1

3-го января 1828, город Лори

Любезные родители.

В последнем письме моем я извещал вас, что я командирован в Муганскую степь для рекогносцировки дороги, но встретил в горах глубокий снег и ужаснейшую вьюгу, от которой едва спасся сам с командой, отступив в разоренное татарское кладбище. Я возвратился на третий день в лагерь — представил свой рапорт, но, кажется, что, спустя некоторое время, когда снег уменьшится, я снова должен буду предпринять сие путешествие.

2-го генваря сего года нас поставили по квартирам и нашему полку достался в удел г. Лори. Хотя сабли наши весьма не завидные, но укрывают нас от ветров, постоянно дующих с гор Совилика — земля покрылась глубоким снегом и морозы простираются иногда до 12 градусов.

Мы находимся в совершенной неизвестности — увидим ли вновь берега Аракса или пойдем далее. Я весьма равнодушен ко всяким слухам. Не имея в Грузии до сих пор приюта, мой дом заключается в моей палатке. Я бы может быть хотел, чтобы кампания продолжалась, чтобы я мог участвовать в каких-нибудь блестящих делах; но будет ли сие желание сообразно с выгодами отечества? Итак, остается совершенно покориться судьбе.

31 декабря я получил письмо от Лазарева¹ и 900 рублей денег; первым моим удовольствием было расплатиться со своими кредиторами, и хоть осталась у меня сумма весьма малая, но я надеюсь, что в начале сего года я от вас получу секурс, который прошу адресовать полковнику Лазареву или моему полковнику командиру Семен Антоновичу Реуту. В лагере у нас роскоши вовсе нет, но содержание лошадей весьма дорого, а без них нельзя на шаг податься вперед. Из писем Лазарева я заключил, что он по-прежнему расположен ко мне; мне бы весьма было приятно, если бы после кампании меня употребляли как офицера Генерального Штаба, я бы, вроде службы более известном, имел более случаев показать свое усердие.

¹ Полковник Лазарь Иоакимович Лазарев — один из представителей армянского дворянского рода Лазаревых. В 1827—1828 гг. участвовал в русско-персидской войне. После заключения Туркманчайского мирного договора руководил делом организации переселения армян из Персии в пределы Закавказья (М. II.).

В бездействии скучно. Книг вовсе нет; пустые разговоры мне весьма неприятны, и вы можете из сего заключить, что мы не весьма весело проводим время. Не знаю, доходят ли мои письма, но я от вас с 1-го ноября никакого не имею известия.

Прощайте, любезные родители.
Преданный вам сын

Д. Искрицкий

№ 2

Город Ардебиль, 29 января 1828.

Любезные родители.

Военные действия снова начались и нашим отрядом левого фланга приехал командовать граф Сухтелен. На другой день по приезде мы выступили в поход по глубокому снегу выше колена, подошли на третий день к Ардебилю и заняли город (морозы так сильны, что граф велел мне сказать брату Александру, которым он весьма интересуется, что у нас морозы не хуже Лапландской зимы).

В ночь на 26 число мы заложили батареи, персияне вступили в переговоры, для ускорения которых и для сдачи крепости граф велел пустить три конгревых ракеты. Удачный полет сих новых гранат, из коих одна прилетела к пороховому магазину, произвел ожидаемое действие, через пять минут принцы Мишан мирза и Жиангар мирза — дети Абасса мирзы прислали переговорщика о сдаче крепости, и мы в 12 часов утра в порядке вступили в крепость, в которой нашли 25 пушек и 2000 четвертей провианта.

Ардебильская крепость есть лучшая в целом Азербиджане, построена англичанами по европейской системе и превосходит постройкой Абас-Абад, Сардар-Абад и даже самую Эривань.

Вам приятно будет узнать, что во время сего похода граф употреблял меня как офицера Генерального Штаба. Во время движения я находился в авангарде, которым командовал подполковник Миклашевский², и в приказе от 26 января по отряду граф Сухтелен изъявил нам благодарность за труды и деятельность. Перед самым выступлением получил много писем из Петербурга от братьев и одно ваше из Душатины.

Граф Тамздорф доставил мне из Тавриза 500 рублей, посланных Машеньк³, теперь я совершенно обеспечен на долгое время с благоразумной экономией.

Любезную Машеньку благодарю за пространное письмо и буду ожидать еще подобных; пусть она извинит меня, я не могу отвечать ей столь подробно, сколько желал бы, по недостатку времени и даже бумаги.

Прощайте, любезные родители.
Целую вас мысленно. Преданный вам сын

Демьян

² Александр Михайлович Миклашевский (1796—1831) — один из декабристов, переведенных, после шестимесячного заключения, в Отдельный Кавказский корпус (М.Н.).

№ 3

Город Ардебиль, 9 февраля 1828.

Любезные родители.

7-го февраля я возвратился с большого путешествия. Граф посылал меня в г. Мианэ открыть сообщение с нашим авангардом, описать дорогу по Халхалу и вручить письмо принцу Абасс-мирзе, как от себя, так и от детей принца, находящихся в нашей крепости Ардебильской. Я проехал более 350 верст верхом в неделю, видел прекрасную долину реки Кизил-Озана, представлялся принцу Абасс-мирзе, смотрел на привезенные куруры, привез описание, сделал карту, которые представил сегодня графу.

Кажется, любезные родители, что в скором времени войска наши перейдут обратно за Аракс, принц Абасс-мирза и генерал Паскевич должны уже съехаться в Туркманчае трактовать о мире.

Весь наш отряд и я в особенности сожалеем, что мы должны в скором времени лишиться нашего доброго начальника графа Сухтелена, он уже получил приказание возвратиться в Петербург немедленно по окончании военных действий.

Если бы с весною открылась кампания на берегах Дуная, то нельзя ли для сослужения с братом проситься участвовать в новых победах храброго Российского войска. По сему предмету буду ожидать ваших советов; одного бы я желал: не быть в каком-либо боковом отряде, которого действия ограничиваются часто перевозкой провiantа или отвлечением сил неприятеля.

Будучи употреблен во все время пребывания моего в отряде как офицер Генерального Штаба, я объехал почти всю восточную часть Азербиджана, познакомился с нравами персиян, кюрдов и шахширванцев, и могу даже насчет дороги объясняться с ними на турецком языке. Сожалею, однако ж, что случай не привел меня посмотреть Тавриз.

Российское правительство сделало важное приобретение библиотеки, находящейся в здании мечети; вчера навьючена и завтра отправляется за Аракс — вот все наши новости, важнейшая же состоит в том, что пять куруров уже в наших руках и на дороге. Куруры здесь нас интересуют столько, сколько публика петербургская интересовалась прежде Ворот...ом [последнее слово неразборчиво].

От вас, любезные родители, я уже давно не получал писем, но это кажется происходит от слишком большого удаления за границы.

Братьев целую и прошу их писать ко мне.

Прощайте, любезные родители, преданный вам сын

Демьян

№ 4

Город Хой, 28 апреля 1828.

Любезные родители.

Пользоваться настоящим, вот мой теперешний девиз — не знаю что будет со мной завтра, думал ехать в Урмию, остался по приказанию гене-

рала в отрядной квартире, к концу апреля располагал быть в Эривани, но, кажется, еще довольно долгое время должен буду остаться здесь.

К Лазареву являлся и по его препоручению, занимаюсь в Хойской провинции переселением армян.

Вот мои занятия: посвятив утро описям имуществ христиан, остальную часть дня весьма приятно провожу в обществе генерала; играем иногда в вист, слушаем весьма хорошую музыку Нашебургского полка. Иногда здешний хан приглашает нас на азиатские обеды, увеселяет нас танцами и весьма несносной азиатской музыкой.

Признаюсь, я часто себя спрашиваю, где же восточная роскошь, о которой нам так много твердили. На улицах тишина, дома заперты. Женщины под чадрами мелькают изредка как приведения, и на одном только базаре приметна некоторая жизнь. В Азии истинно почувствуешь цену Европы. Не знаю каким-то случаем залетел к нам на днях листик весьма старый *Journal de St Petersburg*, в котором мы читали весьма сильную декларацию султана против христиан и в особенности против русских. Из этого мы заключаем, что должна быть война, и я против турок сражаюсь с почтенным генералом Панкратьевым.

Полк наш остается в Карабахе, но прочие войска собираются лагерем при Сардар-Абаде — я недавно также узнал, что наш почтенный начальник сделан графом Эриванским и что государь наградил нас за кампанию медалью.

Прощайте, любезные родители.

Преданный вам сын

Д. Искрицкий

№ 5

Крепость Эривань, 11 июня 1828

Любезные родители.

Наконец я достигнул места, откуда могу писать вам в надежде, что письма мои дойдут до своего назначения.

Узнавши здесь, что несколько моих писем, из Персии посланных, не дошли даже до Эривани, я полагаю, что вы долгое время оставались без всяких обо мне известий, и потому я вкратце скажу вам о моих занятиях до сего времени.

Я отправился в конце марта из Шуши в Персию, куда назначен был состоять при полковнике Лазареве, получившем от корпусного командира поручение переселить армян, изъявивших желание перейти в наши пределы.

Поручение начальства исполнено с желаемым успехом — более 7000 семейств армянских и несториянских перешли в пределы России. Они оставили прекрасные дома, сады и климат даже лучший, перешли Аракс, не зная, что достанется им в удел, уповая на могущественное покровительство нового своего государя. Каждому, кто был в Персии, известно жалкое положение тамошних армян. У них отняты были все права граждан-

ства. Отец не мог ожидать в сыне опоры семейству, мать должна была часто проклинать красоту дочерей, желание мусульманина было законом армянина. Они со временем под кротким правлением России почувствуют вполне сделанное для них благодеяние, благословят графа Эриванского, виновника их будущего счастья. Я не могу также не сказать о доверенности армян к полковнику Лазареву, скорое и успешное окончание переселения должно приписать его стараниям.

Редкой армянин в Персии и России не знают его и довольно слова Илизар аги (как его здесь называют), чтобы бросить дом, родину и идти в пределы России. Мне весьма приятно, что я участвовал в сем деле, по которому государь приобрел 40 000 верных и надежных подданных; уже в Эривани формируется батальон армянских сарвазов, и армяне в свою очередь заставят со временем трепетать их покровителей.

Пребывание мое во все сие время было в Хое, где я имел случай познакомиться и приобрести расположение Н. П. Панкратьева. Вместе с полковником Лазаревым мы оставили в конце мая Персию, отправились в Нахичевань.

Я с особенным удовольствием проезжал сию любопытную страну. Постоянный предмет во все время путешествия был Арарат, покрытый вечным снегом. Здесь, гласит Библия, остановился Ковчег, в Нахичевани поселился Ной после потопа. По-армянски Нахичевань значит первое жилище — и точно нет лучшего места в сей знойной стране — какие виды, какое местоположение!

[конец письма отсутствует]

№ 6

Лагерь при Карсе, 1828, 6-го июля

Любезные родители.

Вы, вероятно, получили мое пространное письмо из Эривани и краткое извещение о взятии приступом крепости Карса.

Я, можно сказать, перелетел из Эривани, где я нашел бумагу, приказывающую мне явиться в действующий отряд и догнал его на втором переходе за границей. На другой день уже наши аванпосты имели стычку с неприятелем, 19-го июня произведена была рекогносцировка стен крепости, что дало случай неприятелю атаковать нас в больших массах; наша регулярная кавалерия и линейские козаки произвели несколько блестящих атак, и неприятель скрылся в город. 20-го числа пехота занимала высоты, необходимые для заложения батарей, турки на каждой держались упорно и дело не иначе кончалось как штыками.

21-го и 22-го заложены были батареи для действия по крепости. Наконец 23-го высота, необходимая для продолжения дальнейших работ, дала случай взять крепость.

Вы можете себе представить, как упорно должны были держаться турки ввиду стен своих. 42-й полк после долгой битвы, в которой несколь-

ко раз доходило до рукопашного боя, владел неприятельской батареей и преследовал неприятеля в самый форштат. Граф Паскевич, увидев сие положение, двинул массы свои с противной стороны в другие форштаты, и через час уже полки наши стояли у стен цитадели, которая сдалась с остальной частью гарнизона.

Для людей, занимающихся военной наукой, Карс есть новое подтверждение, что в войне все дает случай, которым должно уметь воспользоваться, но так скоро, чтобы не дать неприятелю время опомниться.

Мы стоим теперь лагерем в 10 верстах от крепости по эрзерумской дороге, каждый полк отдельно, подножный корм в изобилии, вода хорошая и, следовательно, скоро будем готовы к дальнейшим предприятиям.

Зная с каким нетерпением вы будете теперь ожидать от меня известий, борясь с предприимчивым неприятелем и с болезнью, свойственной сему краю, я буду пользоваться всяким случаем для доставления вам моих писем.

Приехавши в лагерь, я застал здесь несколько писем, из которых последнее было от 22-го мая, зная, что есть какая-то от вас посылка, которая поехала искать меня в Эривань.

Лучше адресовать письма на мое имя в Тифлис с прибавлением 42-го полка, подпоручику, находящемуся при корпусном штабе в действующем отряде. Я прикомандирован к штабу с 18-го числа, а 22-го уже это назначение в корпусных приказах.

Прощайте, любезные родители, преданный вам сын

Д. Искрицкий

Братьев целую, от Машеньки из деревни ожидаю пространных писем.

ПИСЬМО Д. А. ИСКРИЦКОГО К В. Д. ВОЛЬХОВСКОМУ

Эрзерум, 6 сентября [1829 г.]

Милостивый государь Владимир Дмитриевич.

Граф Ламздорф, привезший сюда столь лестную награду от государя императора нашему главнокомандующему, доставил мне письмо ваше и обрадовал всех принимающих участие в вашем выздоровлении, что в неделю через шесть надеетесь получить возможность снова трудиться и быть полезным службе. Извините меня, что до сих пор не писал вам о покойном Иване Григорьевиче³. Примите в уважение занятие по службе до сражения при Гарте и потом сильную горячку, которая мучила меня почти до конца августа. Несколько дней тому назад я возвратился из Байбурта с первым эшелоном войск. Движение наше из Байбурта было прекрасный

³ Иван Григорьевич Бурцов (1794—1829), декабрист, после шестимесячного заключения был сослан на Кавказ, где принимал активное участие в русско-персидской и русско-турецкой войнах. Был смертельно ранен 20 июля 1829 г. во время атаки русского отряда на турецкие войска в районе Байбурта (М. Н.).

отступательный маневр. Его сиятельство⁴ прибыл в Эрзерум в конце августа.

Сожалею весьма, что, будучи в продолжении всей нынешней кампании при покойном генерале Бурцове, судьба определила мне не быть при последних его минутах. Все, что я мог узнать от окружающих его, ограничивается тем, что кончил военную жизнь свою героем и последние минуты посвятил милосердому богу, матери и супруге. Кажется, мысль иметь начальника столь попечительного о своих подчиненных успокаивала его на счет будущей судьбы матери и супруги. Главнокомандующий приехал в Байбурт в то самое время, когда выносили тело покойного, его сиятельство провожал гроб и печаль приметна была на его чертах. Из присутствующих, начиная от солдата до генералов, у каждого упала слеза сожаления о преждевременной кончине сего достойного человека. Подобное уныние красноречивее всех надгробных речей.

Подчиненные ваши, в особенности Н. И. Ушаков, Пикалов и О. Г. Блом, просили меня свидетельствовать вам их почтение, все желают скорая вашего выздоровления.

С истинным почтением и признательностью имею честь быть вам покорнейший слуга

Д. Искрицкий

ПИСЬМА В. Д. ВОЛЬХОВСКОГО К ОТЦУ — Д. А. ВОЛЬХОВСКОМУ
№ 1

Тифлис, 3 октября 1826

Любезнейший папинька.

Мы прибыли сюда, слава богу, благополучно: 20-го числа были уже в Екатеринограде, крепость откуда идет чрез Кавказ новая дорога. До Ставрополя дорога считается совершенно безопасною: далее расставлены козачьи пикеты в виду один от другого, и проезжим не позволяется ехать ночью, ибо пикеты с захождением солнца снимаются; курьеры и значительные лица могут получать конвой, с которым и ночью их уже не задерживают. Начиная от бывшего города Александрова, деревни обнесены ровом и валом, но оные содержатся в некотором порядке только за Георгиевском, до онаго же кажется жители мало думают о своей безопасности, полагаясь в сем совершенно на попечение начальства. Непринадлежащие к военному званию не имеют никакого оружия. Ближе к Екатеринограду осторожность увеличивается. Между Екатериноградом и Владикавказом селений уже никаких не находится, да и аулов мало: Малая Кабарда в последнее время истреблена чумою, а из большой множество народа бежало за Кубань: несмотря на то, проезжают не иначе, как с пехотным конвоем, состоящим человек из 20 и более; почта и важные лица сопровождаются орудием. В случае сообщения какого-либо скорого известия не иначе отправляют как человека десять козаков. Далее за Владикавказом дорога опять становится безопаснее; пехотный конвой (человек 5 или

⁴ Генерал И. Ф. Паскевич (М. Н.).

б) нужен только на первой станции, а потом уже дают человек трех или 4 козаков: от Кашаура по переходе гор (в 70 верст от Владикавказа) конвой состоит только из козаков, на лошадях которых идут путешественники; прежде за Тифлисом дороги были совершенно безопасны, но теперь по причине военных смятений это изменилось: но при известной деятельности и твердости нашего главнокомандующаго⁵, вероятно, все придет в прежний порядок. До Екатеринограда качество земли вам известно, далее к Владикавказу простираются по дороге ровные места, едва ли не более богатые произрастаниями, нежели наши степи; сие пространство пересечено небольшим хребтом Кабардинских гор: тут сотни тысяч мирных людей могли бы жить в изобилии: почва плодотворнейшая, изобилие в лесу, прекрасные воды — все призывает сюда население, и, вероятно, через несколько десятков лет долины Кавказския также будут посещаться как ныне крымские, и племена разбойничия уступят место спокойным, более образованным жителям. От Владикавказа начинается собственно ущелье, чрез которое протекает Терек: та же благословенная природа, украшенная живописными картинами: переход чрез самый высокий хребет простирается на 15 верст, между горами Крестовой и Гутовой: тут мы нашли уже снег, но летом онаго не бывает, ибо в сем месте хребет не очень высок; за горами мы шли ущельем реки Арагвы и долиной Куры, местами заселенными, изобильными произрастаниями юга — но не столь живописными и богатыми, как северная часть гор. Далее за Тифлисом простирается долина Куры, вдоль которой простираются с обеих сторон горныя цепи. Описание мое ограничивается тем, что я мог понять глазом: от жителей мы совершенно разделены и языком и обычаями. Мы приехали сюда в самое лучшее время: жары миновались, а дожди не настали, и потому, благодаря богу, мы здоровы: впрочем все гвардейские офицеры довольно хорошо перенесли здешнее лето. Г. Паскевич теперь верст 300 отсюда, нас к нему не отправят до разрешения Алексея Петровича, котораго ежечасно ожидают. Чиновники здешние нас очень благосклонно приняли. Дядюшке и тетюшке мое почтение. Может быть, мы здесь и всю зиму проведем, во время которой военных действий, кажется, не может быть. О сем незамедлю вас уведомить. Ваш многолюбящий и почитающий сын *Владимир*.

Проезд чрез горы в экипажах должен быть всегда очень затруднителен, а зимою и в случае больших дождей и вовсе невозможен.

Не знаю, будущее письмо мое отсюда не придет ли к вам после 26-го числа, и потому теперь поздравляю вас с днем ангела вашего; не имею нужды говорить вам, сколько желаю, чтобы не только день сей, но и многие и многие последующие за ним годы провели в полном удовольствии и благополучии.

На письмах ко мне нужно означать: состоящему при г. ад. Паскевиче.

Поклонитесь Николаю Захаровичу, Томашевскому и другим. Пресловутый барон Шилинг изволил вчера прибыть сюда.

⁵ Речь идет о генерале А. П. Ермолове (М. Н.).

Тифлис, 20 декабря 1826

Любезнейший папилька, в прошедшем письме обещал я вам подробно описать все здесь со мною происходившее: я, кажется, вам прежде писал, что горы переехали мы с полковником Раевским⁶, которой назначен командовать Нижегородским драгунским полком. Он имел предписание получать особый конвой, и оттого мы из Екатеринограда выехали без всякой остановки; теперь проложена из сей крепости прямая дорога во Владикавказ по левой стороне Терека, по которой до самого Владикавказа гор нет и дорога удобная; вообще же теперь открыта чрез горы удобнейшая дорога из грузинского города Гори прямо в Екатериноград, которая прямее прежней и никогда ни снегами, ни разрушением гор не заграждается, а на нынешней целый батальон держат для поправки дороги, и то часто бывают остановки.

Из Тифлиса мы ехали в отряд, в 360 верстах отсюда находившийся близ Аракса, уже совершенно по походному на своих верховых и вьючных лошадях с ротою пехоты и одним орудием, впрочем уже порядок восстанавливался и вместе с нами приехал окружной начальник Елисаветопольской дистанции, а в других уже все были на местах. Вот что здесь происходило: в июле месяце персияне врасплох напали на наших со стороны Еривани и в Карабахе. В первой силы неприятеля были ничтожны, а во второй сам наследник персидской⁷ вступил с войском, которое с разными потом пришедшими к нему подкреплениями простиралось до 60 т. человек, в том числе до 30 т. регулярных. Пред такими силами, при возмущении магометанских здешних провинций, должны были отступать наши отряды, расположенные в мирное время как можно удобнее для продовольствия, и оттого некоторые потерпели. В Карабахе есть кр. Шуша, посреди гор в 40 вер. от большой дороги. Аббас-мирза не решился оставить ее сзади себя и начал осаждать несколько запершихся там рот 42-го егерского полка. Командовавший оным полковник Реут славно держался, Аббас-мирза месяца полтора потерял времени, а между тем наши собрались: князь Мадатов разбил при Шамхоре персидской передовой корпус, а Иван Федорович с 7½ тысячами всю персидскую армию, состоявшую почти из 50 т. человек, при равном числе артиллерии; после сражения персияне в 3 дня прошли 180 в. и очистили наши границы. Вот откуда почти вся война. Недостаток продовольствия не позволил войскам нашим преследовать персиян за границу. Мы нашли Ивана Федоровича в лагере на р. Чарекене в 12 верстах от Ак-Углана и в 30 от Шуши. Разные слухи о новом сборе персидских войск побудили его перейти за Аракс, дабы напасть на оныя — мы пошли — но все оказалось ложным, почему, набрав скота и возвратив до 300 семейств наших подданных, увлеченных персия-

⁶ Николай Николаевич Раевский (младший, 1801—1843) — один из «вольнодумных», прогрессивно настроенных людей своего времени, близкий друг А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова (М. Н.).

⁷ Аббас-мирза (М. Н.).

нами, мы опять перешли в наши границы: на обратном пути у нас были две незначущия стычки с персидскою кавалериею. В половине ноября войска отряда генерала Паскевича распущены по квартирам, и мы 6-го числа приехали в Тифлис; недостаток заготовлений продовольствия в муке, невозможность держать лошадей во время зимняго похода на подножном корме, другого же фуража здесь иметь ж нельзя, горы, покрытыя снегом, все это препятствует дальнейшим действиям, и, вероятно, до весны мы здесь останемся. Я, слава богу, здоров, начинаю немного знакомиться с здешним краем: но с людьми очень мало, к сожалению, ибо с утра до ночи занимаюсь делами у генерала. Желаю, чтобы ето несколько изменилось: ибо, признаюсь, канцелярская жизнь не совсем приятна и притом мне нужно бы иметь досуг, чтобы заняться татарским языком, котораго знания здесь необходимо нужно.

Поздравляю вас, любезнейший папинька, с наступающим Новым годом, не говорю сколько желаю, чтобы вы оный провели как можно приятнее и благополучнее. Прошу любезному дядюшке и тетюшке и всему семейству их пожелать всего лучшаго. Всем знакомым напомните меня. От графа я писем не получал, но прошу ему поклониться. Его брат сюда еще не приезжал, но, вероятно, скоро будет. Испрашивая для себя родительскаго благословения вашего, остаюсь многолюбящим и почитающим сыном

Владимир

№ 3

Эчмиадзин, 11 июня 1827

Любезнейший папинька,

Я, слава богу, здоров, да и все мы должны благодарить бога, что еще не страдаем от жаров, хотя уже в Эчмиадзине; 9-го числа генерал Паскевич осматривал блокаду Ериванской крепости, и я в первый раз слышал свист неприятельских ядер, но как они почти еще никого не убили, то ето выходит род игрушки — солдаты от всего сердца смеются неудачным прыжкам крепостных ядер. Дай бог, чтобы ето всегда так было.

Покуда кроме крепостей неприятель имеет против нас самая ничтожные силы, говорят, что не находится охотников ополчаться; наши главные неприятели климат и трудность продовольствия. Земля здесь чрезвычайно обработана, но жители все уведены за Аракс в горы; богатейшие жатвы погибают без поливки, здесь необходимой, и притом здесь хлеб нужно снимать тотчас как поспеет; если немного опоздать, то все семя высыпится; жители, несмотря на величайшую опасность, прокрадываются в свои деревни, чтобы сколько-нибудь запастись хлебом. Деревни, особенно старые, имеют вид богатый, хорошия церкви, мосты отличные беспрестанно встречаются, там где живут армяне, татары же большею частью кочующие. При деревнях хорошие сады. Если бы жители не были выведены, то мы были бы в изобилии, а теперь имеем почти только то, что с собою привезли.

Мое усерднейшее почтение дядюшке и тетушке, всех и [их] прошу перещеловать: сестрам и братьям, когда будете писать, напомните меня, писать самому некогда.

Прощайте, любезный папінька, испрашивая родительского благословения вашего, остаюсь вас многолюбящим и почитающим сыном.

Владимир

№ 4

Тавриз, 30 октября 1827

Любезнейший папінька, пользуюсь отправлением в Петербург адъютанта его высокопревосходительства Ивана Григорьевича Фелькерзама, чтобы писать к вам. Я, слава богу, здоров, и у нас все благополучно. Военных действий никаких нет, ибо неприятельская армия вся разбежалась, и, кажется, можно ожидать скорого и весьма выгодного для нас мира. На днях наследник персидского престола Аббас-мирза приедет в здешние окрестности для свидания с нашим генералом.

Это письмо пишу из Тавриза, славного города удела Аббас-мирзы. Мы сюда вступили 19-го октября и встречены были народом с большим усердием: все осталось в полном порядке, лавки открыты, и всякий занимается своим делом. Во время марша проезжие между войсками спокойно продолжали дорогу свою; точно так мы шли как в своей земле, где привыкли уже к войскам. Английские чиновники, при посольстве английском и при Аббас-мирзе, по воле своего правительства находящиеся, все остались здесь и большие с нами приятели; впрочем они находились здесь с условием не участвовать в походах против русских и турок, что и соблюдали всегда. Здесь нашли порядочно устроенный арсенал, литейный и пороховый заводы. Город, будучи построен на азиатский манер, наружностью некрасив, ибо все строения закрыты простыми глиняными высокими стенами, но очень много весьма хороших внутри домов, построенных богато и со вкусом: комнаты позолоченные, раскрашенные, бассейны, фонтаны, садики — с удивлением вы найдете там, где снаружи ничего особенного незаметно. Лавок без числа, караван-сарая много опрятных и хорошо выстроенных; новый базар, около версты в длину имеющий, состоит из двух рядов лавок, соединенных каменными высокими сводами. Город довольно порядочно укреплен, имеет две стены, ров, башни и бастионы. Сверх того, есть цитадель. Форштаты огромные. Это все описываю вам, чтобы вы не подумали, что мы воюем здесь с бедняками, у которых нет чем сопротивляться. Занятая нами провинция Азербиджан, говорят, приносит до 17 миллионов на наши ассигнации доходу, и может выставить до 50 000 войска, в том числе более 15 000 регулярной пехоты было у Аббас-мирзы с порядочною артиллерию. Мы стоим здесь во дворце Аббас-мирзы.

С нами под Ериванью был Чугуевской уланской полк, которого командир Николай Григорьевич Изюмов весьма много помнит и любит вас; он отдал мне прилагаемое к вам письмо.

От вас уже я давно не имею известий, из Малороссии вовсе не пишут, от Лилиньки получил здесь письмо еще от 15-го июля. Прощайте, любезнейший папинька, будьте столько благополучны, сколько желает многолюбящий и почитающий вас сын

Владимир

Про Костиньку нет ответа от генерала Нейдгардта.

№ 5

Тегеран, 26 декабря 1827

Любезнейший папинька. Я вас уведомлял при отъезде моем из Де-Каргана, что отправляюсь к шаху. В столицу его величества Тегеран прибыл я 15 числа сего месяца. Прием на дороге и здесь был мне самый дружеский, выезжали ко мне навстречу, я представлялся принцам, которые все сажали меня, чего они никогда не делают с своими подданными. Шах также очень благосклонно обошелся со мною, но в успехе моего поручения еще совершенно ручаться не могу. Отсюда должен я отправиться назад, около 1 января. Здоров я, слава богу, хлопочу об деле; а это довольно трудно с персиянами, которые если и желают, что сделать, то не знают как.

Прощайте, любезнейший папинька, напомните меня всем нашим и всем забывшим меня. О Костиньке вам известно, что я хотел сделать, но поспе время никакого ответа из Петербурга не получали; одно теперь средство остается — просить графа Сухтелена похлопотать о нем, ибо по окончании войны его сиятельство скоро отправится в Петербург.

Еще раз прощайте, любезнейший папинька, остаюсь навсегда вас многолюбящим и почитающим сыном.

Владимир

Желаю сердечно, чтобы вы провели в полном удовольствии и благополучии наступающий Новый год.

№ 6

Туркменчай, 12 февраля 1828

Любезнейший папинька. С сердечным сокрушением узнал я о новых встречаемых вами неприятностях; дай бог, чтобы оныя по возможности прекратились, ибо самое величайшее терпение не в силах бороться с судьбою, а она кажется довольно вас преследовала — дай бог, чтобы вы по стольким трудам вашим насладились спокойствием. Я уверен, что вы не сомневаетесь в желании нашем по мере сил делать вам угодное; с моей стороны я на все готов и прошу совершенно мною располагать: угодно будет, и я с радостью готов оставить службу, только чтобы сколько-нибудь содействовать к успокоению вашему. К Константину Дмитриевичу я писал, что ему необходимо дожидаться производства в подпорутчики, в Тифлисский полк не советовал вступать, ибо он в весьма расстроенном поло-

жении, притом стоит за 180 и более верст от Тифлиса. Почетнее здесь служить в гренадерской бригаде. Я предложил ему Грузинский гренадерской или Ериванской карабинерный полки, а более первый, в коем командир весьма хороший человек и штаб-квартира в 20 верстах от Тифлиса. С адъютантством может быть тоже уладимся. Я писал в Петербург одному приятелю, чтобы он по возможности взошел в положение брата и в необходимом ему помог бы.

Дядюшке и тетушке мое усерднейшее почтение, малую братию целую. Всем знакомым прошу меня напомнить. Многолюбящий и почитающий сын ваш

Владимир Вольховский

Из Тегерана я благополучно возвратился с 10 миллионами серебра для царя, вследствие сего и мир подписан 10-го сего месяца в Туркменчае. Еривань, Нахичевань и Арарат наши.

№ 7

Тавриз, 25 февраля 1828

Любезнейший папилька.

По заключению мира в Туркменчае мы возвратились сюда благополучно и скоро надеемся отправиться в Тифлис. Я, слава богу, здоров, много имею дела и оттого мало пишу к вам.

Дядюшке и тетушке прошу засвидетельствовать мое глубочайшее почтение, малюток их и Надиньку с ее семьею, всех целую. Податель письма сего Г. Левковичь, взявший знамя под Аббас-Абадом, расскажет вам с происходящем здесь. Весь ваш многолюбящий и почитающий сын

Владимир Вольховский

№ 8

Персидское селение Гергер
близ Аракса, 11 марта 1828

Любезнейший папилька.

Мы 8-го числа выехали из Тавриза, около 22-го надеемся быть в Тифлисе. Сегодня уже переправляемся чрез Аракс и вступаем в новую границу нашу. Я, слава богу, здоров, из Тифлиса надеюсь подробнее писать вам о всем, касающемся до меня. Теперь только поздравляю вас и всех наших с праздником, которых желаю провести в возможном удовольствии.

Вас многолюбящий и почитающий сын

Владимир

№ 9

Тифлис, 28 апреля 1828

Любезнейший папилька.

Давно не имел я удовольствия писать к вам, и теперь пишу в час полуночи, между тем как у меня в канцелярии все перья за работою. Такова видно судьба моя переходить от труда к труду; дай бог, чтобы заня-

тия мои не были вовсе бесполезны. По возвращении моем из похода наш граф поручил мне должность обер-квартирмейстера, а при здешнем корпусе она столько же хлопотлива, как и дежурного штаб-офицера; и я с утра до ночи мараю бумагу, но не думайте, чтобы возможность двигать войска возбуждала высокомерие мое; напротив, очень знаю, что только обязан исполнять высшие приказания, несколько не увлекаясь собственными мыслями и мечтаниями, и потому смиренно несу бремя мое. Вам известны теперешние обстоятельства, нет возможности к вам отлучиться, но если бы даже по желанию графа я и постоянно остался при здешнем корпусе, то и тогда не теряю надежды увидеться с вами, хотя, к сожалению, сего весьма в непродолжительном времени предвидеть не могу, но бог милостив и я на него надеюсь.

Не знаю, Надинька находится ли с вами, но во всяком случае ее и Анну и Ольгу Дмитриевну хотя заочно прошу поцеловать за меня. К ним теперь не имею времени писать. Жаль, что Надинька редко пишет ко мне, о Митиньке не имею известий, Костинька ни слова не пишет, но Стевен уведомил меня, что он идет в поход, и Стевен заботился, чтобы он ни в чем не имел недостатка. Покуда теперь нечего жалеть, что он не перешел в армию, может случиться, что он будет иметь еще на некоторое время средства содержать себя, получая жалованье серебром, и если будет хорошо, то обратит внимание начальства. Дай бог ему всего доброго.

Прощайте, любезнейший папинька, желаю сердечно, чтобы письмо мое нашло Вас хотя несколько успокоенными от тягостных забот и неприятностей должности вашей и совершенно здоровыми. Многолюбящий и почитающий сын ваш

Владимир

ПИСЬМО В. Д. ВОЛЬХОВСКОГО К И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

Город Казвин, 11 декабря 1827

Милостивый государь Иван Федорович.

Сего числа мы прибыли в г. Казвин: по-видимому, все предвещает мир, везде говорят, что деньги высылаются, но странно то, что самый vizir Али-Наги-мирза не имеет точного известия о сем, но говорит, что Фетали-хан, как слышно, принял первые пять куруров и скоро должен их отправить, а три продолжает принимать. При сем считаю долгом донести Вашему высокопревосходительству о странных рассказах курьера, отправленного к Вам с известием о согласии шаха на все условия мира: мы встретили его 9-го числа близ Султании, он мне говорил, что шах платит деньги и на все согласен, но, как я узнал, Назир-Али-хану говорил, что он везет три главные бумаги: 1-ю к Вашему высокопревосходительству с известием, что шах на все согласился, 2-ю к Аббас-мирзе, что это есть одно промедление времени, а что шах решился продолжать войну, 3-ю к Муштейду Тавризскому, дабы он уведомил к кому более привержен Адзербиджан. Притом сей курьер рассказывал, что будто какой-то сын шахский,

имея близ Тегерана войско, принуждает его величество не уплачивать деньги. Хотя не могу сказать, имеют ли сии рассказы какую-либо основательность, но поспешил бы донести об оных, если бы прежде имел возможность.

Прием нам здесь был самый торжественный, за 35 верст от города встретили несколько ханов с 200 конницы и провожали до города, за 7 верст выехал к нам визирь здешний; меня поместили во дворце и весь сегодняшний вечер угощал меня визирь Мирза-Таби, завтра буду иметь честь представляться его высочеству и после немедленно далее отправлюсь. В городе встретили нас с музыкою и фалконетною пальбою.

Дорога от Зангани сюда совершенно удобна, но говорят, что на 30 верст по обе стороны от Казвина бывает весьма холодно, дуют свирепые ветры и выпадают большие снега, но покуда снега вовсе нет и холод сносен; на дороге на сем расстоянии деревень нет по сю сторону Султанье, но к Зангану от оной последняя деревня в 20 верстах. За Султаньею край весьма населенный вдоль речки Абгар-чая, кругом Казвина, как говорят, также весьма много деревень.

Здесь слухов о войне нет, войск не собирают; оных находится у Али-Паги-мирзы до 10 000 конницы, сарбазов же нет. Уверяют, что сего числа Сардарь Ериванский, доселе живший в здешних поместьях своих, выехал к Зангану, дабы принять начальство над войском Абдулы-мирзы; говорят, ему поручены и здешния войска, которых он имеет право собрать.

Поручая себя милостливому покровительству Вашего высокопревосходительства, с глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть.

Милостивый государь,
Вашего высокопревосходительства
покорнейший слуга

ПИСЬМО В. Д. ВОЛЬХОВСКОГО К А. С. ГРИБОЕДОВУ

Дерев. Сафар-Ходжа (близ Казвина).
13 декабря 1827

Любезнейший Александр Сергеевич!

Рапортом из Казвина и письмом, также письмом от Зангана имел я честь доносить Его высокопревосходительству о том, что считал бесполезным довести до сведения его⁸; теперь не имею многого присовокупить: податель сего наш курьер подтверждает доходившие до меня слухи о том, что Гуссейн-Али Хорасанский преклонил шаха не высылать денег; касательно сбора войск я писал, что в Зангане в том мало успеха, в Казвине еще не собирали, но при самом моем выезде мне говорили, будто бы назначено войскам собираться; вообще же, кажется, здесь думают, что и нам нельзя зимою воевать. Самое трудное будет перебраться через Адзэрби-

⁸ Генерал И. Ф. Паскевич (М. Н.)

джан, а потом, выключая перевала Султанайского, где могут быть сильные ветры и морозы, без пристанища в обе стороны около 20 и 30 верст, дорога не представляет никакого затруднения; вероятно, что войск неприятельских не будет, и на переходах можно было бы и по деревням останавливаться, которых за Султаннею по дороге и возле оной довольно. Расположение к нам Зангани Вам известно, кажется и в Казвине тоже, хотя здесь по дальнейшему расстоянию оно не успело еще обнаружиться: у нас сердце полно — но решительности нет, сказал мне здесь один человек, который должен был бы быть предан правительству, и это в одну минуту, в которую он мог говорить откровенно.

Здесь ходит насчет Аббас-мирзы странная молва, которой верят и при дворе Казвинском, будто он согласился из требуемых ныне от шаха 8 курур пять отдать русским, а три себе взять; некоторые полагают, что он совершенно к нам передался.

Я уже писал об торжественном приеме, сделанном мне в Казвине; не знаю, должен ли я сие приписать желанию приобрести внимание его высокопревосходительства или просто имяни *ельчи*, которым здесь всякаго посланнаго называют, если он не просто курьер. Визирь мирза Таби во все время моего пребывания у них почти не отходил от меня; квартиру я имел во дворце.

Я позабыл написать, что Занган и Казвин окружены простыми здешними стенами без рва, башни небольшие и не могут помещать пушек, которых в Зангане есть несколько без лафетов, а в Казвине кажется вовсе нет.

Прощайте, любезнейший Александр Сергеевич, напомниме меня всем добрым людям, простите [за] маранье, пишу после холодного перехода в дыму.

Весь Ваш

Вольховский

ԴԵՊՈԶԻՏԱՆԵՐ Դ. ԻՍԿՐԻՑԿՈՒ ԵՎ Վ. ՎՈՇՆՈՎՍԿՈՒ ՆԱԽԱԿՆԵՐԸ
ԿՈՎԿԱՍԻ ՄԱՍԻՆ

ՊՐԻՆ. Մ. Գ. ՆԵՐՍԻՍՅԱՆ.

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Կովկաս արտորժած ղեկավարիստների թվում էին գտնվում Դեմյան Արևսանդրովը և Իսկրիցկին (1803—1831) և Վլադիմիր Դմիտրիևիչ Վոլխովսկին (1798—1841)։ Վարելով ուսական կովկասյան բանակի սպաների պաշտոններ, նրանք զործում մասնակցություն են ունեցել 1826—1828 թթ. ուսու-պարսկական և 1828—1829 թթ. ուսու-թուրքական պատերազմներին և, մի քանի տարի գտնվելով Անդրկովկասում, բավականաչափ ծանոթացել են երկրամասի ու նրա բնակչության հետ։ Անդրկովկասից ծնողներին ուղարկած իրենց նամակներում Վոլխովսկին ու Իսկրիցկին արժեքավոր տեղեկություններ են հաղորդում կովկասի, տեղական ժողովուրդների, պատերազմական գործողությունների, ուսու-պարսկական բանակցությունների, պարսկահայերի գաղթի և մի շարք այլ հարցերի վերաբերյալ։ Այստեղ հրապարակվող նամակները հետաքրքիր տեղեկություններ են պարունակում նաև ինչպես իրենց՝ Իսկրիցկու և Վոլխովսկու, այնպես էլ կովկաս փոխադրված մյուս ղեկավարիստների կյանքի, արամադրությունների ու հայացքների մասին։